

УДК 930

РИМСКАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЦИЦЕРОНА И БОЭЦИЯ

Кудратов А.О., магистрант, *al.k.kudratov@gmail.com*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Римская система ценностей имеет свои имманентно присущие черты. Последние проявляют себя в поступках исторических героев. Интерес представляет устойчивость этих представлений, зародившихся в период Республики, но продолжающих существовать и на закате Империи.

Ключевые слова: Римская республика, Учение об идеальном гражданине, Система ценностей.

Система ценностей не может существовать абстрактно, она всегда находится в тесной связи с исторической эпохой и личностью. При попытке выявить черты, присущие римской системе ценностей, мы обычно имеем дело с интерпретацией, с представлениями о морали конкретного автора. В данном случае в исследовательское поле попадает творческое наследие двух личностей, живущих в разные периоды истории Рима. Однако основание, опираясь на которое проводится сравнение двух этих героев связано не столько с ролью этих личностей (хотя и это имеет значение), сколько с нашей гипотезой. Суть последней в том, что римская система ценностей, оформившись и будучи осознанной в республиканский период, с опорой на полисные ценности, продолжает своё существование и в период Римской империи и даже некоторое время после падения империи. Так, Боэций, один из выбранных нами героев, родился в 480 году, когда Рим уже пал под натиском варваров. Для нас же в данном случае важно, что он является носителем римской культуры и, более того, один из немногих, закрепил за собой имя «последний римлянин». Он прилагал много усилий для того, что перенести достижения греческой культуры на римскую почву. В этом его значение перекликается с другим героем нашего рассуждения. Мы имеем в виду Марка Туллия Цицерона. Он жил в I в. до н.э., который знаменовал для Римской республики ряд политических перипетий, господство над множеством народов, потоки ресурсов, стекающихся в Рим. Всё это подтачивало её основу, созданную в иных условиях. Картина устройства Римской республики в данный период уже мало походила на ту, которую в своё время воспевал Полибий.

Таким образом, оба героя данного повествования оказались свидетелями тяжелого для римской системы ценностей периода, который не в последнюю очередь был связан с кризисом политическим. Такая взаимосвязь объясняется известным местом политике в духовной жизни римлян.

Говоря о современных Боэцию событиях, следуют отметить, что сам Боэций в этом отношении немногословен. Более-менее обширная характеристика, данная им своей эпохе, выглядит следующим образом: «И представляются мне грязные притоны злодеев, погрязших в увеселениях и наслаждениях, я вижу, что какие-то нечестивцы возводят новые ложные обвинения, а честные люди, оцепенев от ужаса при виде невообразимой несправедливости по отношению ко мне, повержены, бесчестные же

поощряются безнаказанностью злодеяния к наглости и наградами - к совершению преступлений, невинные же не только не находятся в безопасности, но даже лишены защиты» (1. I, IV).

Цицерон также отнюдь не в тёплых тонах описывает реалии, в которых находится: «В лучшие времена, когда людей охраняло не заискивание перед толпой, а их достоинство и бескорыстие <...> тем более в наше время, при нынешних нравах и при нынешних должностных лицах, мы едва ли можем быть невредимы, если ваша мудрость и правосудие не придут нам на помощь» [2. *ProA. CluentioHabito*, XXXV, 95].

Проступает особый акцент на нравственной составляющей. При этом основной негатив эпохи выражается через пороки людей. Но существует разница в том, как интерпретируется последствия отсутствия добродетели и разгула пороков Цицероном и Боэцием.

Для Цицерона это однозначно чревато нанесением вреда государству. Иллюстрации к этому тезису можно найти на протяжении всего творчества Цицерона, которое изобилует впечатляющим количеством ярких примеров, причём примеров, вполне конкретных. В частности, предельно возмутило его происшествие, которое имело место вслед за избранием защитника Гая Верреса консулом. Из рассказа нашего героя мы узнаём, что после указанных событий, Верреса на площади окликает Гай Курион, обнимает и предсказывает оправдание, уверяя, что теперь причин для беспокойства нет. Цицерон по этому поводу пишет: «Теперь уже совершенно ясно и очевидно, что правосудия не существует. Обвиняемый, который накануне уже сам считал себя осуждённым, ныне, после того как его защитник избран в консулы, уже считается оправданным» [2. *InVerremI*. VII, 18].

У Цицерона государство и гражданин (*virbonus*) взаимозависимые единицы. Право осуществляет функционирование этой системы, которая должна соответствовать заветам предков и идее общего блага. Получается, что система может существовать, только если гражданин следует заветам предков и идее общего блага, что также проявляется в отношении граждан к закону. Когда вдруг обнаруживаются шероховатости описанной системы, то они также расцениваются с точки зрения гражданской этики.

Для Боэция, как и для Цицерона, последствия отсутствия нравов однозначно отрицательные, но объяснение уже иное. Аргументация у Боэция строится на апелляции к божественному, к высшей силе, провидению: «Итак, все они, лишившись добрых нравов, теряют человеческую сущность, вследствие чего не могут приобщиться к Богу, и превращаются в скотов» (1. IV, III).

Отсутствие нравов для Боэция влияет на сущность человека, но выхода на государство, на гражданские ценности мы не наблюдаем. Цицерон же в речах к богам обращается только за освидетельствованием, но сами речи, звучат для граждан. В конечном итоге, трактат оратора, главной целью которого является системно отразить римские добродетели (имеется в виду «Об обязанностях»), был адресован идеальному гражданину.

Было приведено достаточное большое количество параллелей между героями данного анализа. Каждый из них пал жертвой того, за что боролся. В том и другом случаях сдача политических позиций была инициирована интригами в системе власти. При этом обращает на себя внимание, что Цицерон сохранил уважение к традиции, к тому, что олицетворяет сенат, но не к отдельным людям. Что по этому поводу говорит Боэций? «Мне поставили в вину то, что я препятствовал клеветнику в представлении

документов, которые свидетельствовали бы об оскорблении величества сенатом. Что теперь, о наставница, думаешь? Но я желал и никогда не откажусь желать здоровья сенату» (1. I, IV). В основе то же представление, что и у Цицерона. Несмотря на все превратности судьбы, уважение к Сенату у Боэция остаётся. Он достаточно ярко и конкретно описывает, какой он видит счастливую жизнь. Говоря современным языком — «лучший день в своей жизни». Это раскрывается в словах Философии, которая упоминает о почётных должностях, полученных нашим героем ещё в молодые годы (1. II, III). В той же части текста говорится о высшем моменте счастья для Боэция: «когда ты видел, как двое твоих сыновей, избранных одновременно консулами, вышли из дома и шествовали, окружённые многочисленной толпой патрициев и возбуждённого народа, когда в присутствии их, восседающих в курии в курульных креслах, ты выступил с речью, прославлявшей королевскую власть, и стяжал славу за блистательное красноречие; когда в цирке в честь обоих консулов ты вознаградил ожидания толпы триумфальной щедростью» (1. II, III). В этой цитате просматриваются ценности Боэция, которые явственно совпадают с традиционными римскими. Во-первых, это почётные должности, которые для римлян эпохи Цицерона служили маркером, означающим, что человек занимающий должность обладает добродетелями. Во-вторых, счастьем для Боэция является то, что сыновья заступают на должность консулов, которая является одной из высших магистратур. Блистательное красноречие, проявленное Боэцием, тоже входит в ряд признанных положительных навыков, не просто котирующихся в Риме, но являющихся определяющими на политическом поприще. Также и щедрость можно встретить в списке добродетелей, обозначенных самим Цицероном в его трудах.

В целом выходит, что для Боэция, как и для Цицерона, остаётся актуальным преклонение перед римскими традиционными добродетелями, которые остаются коррелятами заслуг перед государством. Об этом также ясно из слов Боэция в которых отражено традиционное представление согласно которому единственное настоящее дело для римлянина - политика: «Следуя этому авторитетному суждению, полученному во время наших уединённых занятий на досуге, я пожелал осуществить его на практике общественного управления» (1. I, IV). Но не стоит также забывать об изменениях, вызванных объективной сменой реалий. Речь идёт о принятии факта единоличного правления, что, несомненно, является отражением имперского опыта для Рима. Так, например, имеет место прославление единоличной власти, что по римским обычаям эпохи Цицерона не могло иметь положительную оценку.

Застаёт врасплох то, насколько кардинально Боэций высказывает противоположные, не сводимые друг к другу выводы по одним и тем же проблемам. Но здесь нам поможет внимательное рассмотрение структуры трактата. Всё, что касается современных автору событий, находится в первых двух книгах. В том числе и экскурс о наивысшем счастье Боэция, а также сюжет о должностях, повествование которого последует далее. Таким образом, в начале трактата Боэций показывает, что римские гражданские идеалы, какими их можно найти у Цицерона, не чужды и ему.

Продолжая анализ, отдельно обращаем внимание на акцент Боэция на должностях. Это представляется важным в силу того, что, несмотря на относительно небольшое количество конкретных сведений о контексте эпохи,

всё же большое внимание уделено именно разбору должностей.

Значимую роль Боэций придаёт римской должностной иерархии. Это находит неоднократное проявление в самом тексте. «Тогда Философия сказала: Да, единственное, что может привлекать возвышенные от природы души, ещё не достигшие высшей границы добродетели, это желание известности и славы вследствие достижения высших должностей в государстве» (1. II, VII). Эта точка зрения также присущая и Цицерону.

Но в системе Боэция традиционная связь между добродетелями и должностями претерпевает изменения. При Цицероне «наградой за virtus была honos - почёт, даруемый гражданам за заслуги перед civitas, всенародное одобрение»[3]. А «virtus есть то, чего требуют от каждого римлянина; последняя же цель устремления состоит в достижении honores, государственных должностей, которые народ распределяет в качестве высших почестей, и о том, кто показал себя достойным такой чести, надгробная надпись свидетельствовала, что он был «лучшим среди добрых мужей»[4].

У Боэция прослеживается ситуация, в которой должности на практике уже не являются наградой за доблести. Понимание доблести и должности как элементов парных остаётся, но сущностная зависимость друг от друга этих элементов, их слитность, смысловая нерасторжимость теряется. «Не добродетели от почётных должностей, но почётные должности от добродетелей приобретают уважение» (1. II, VI). То есть в человеке важно то, насколько он отвечает моральным критериям, но никак не занимаемая им должность. Этот же принцип действует и на обратном полюсе категорий морали: «Почести и чины, достающиеся злодеям, никоим образом не делают их достойными людьми, но лишь ещё более обнаруживают и подчёркивают их низость» (1. II, VI).

Показательно, что, как и раньше, сохраняется представление о наличии связи между добродетелями и должностями, но Боэций старается подчеркнуть, что теперь эта связь лишена правдоподобия. Просматривается разочарование Боэция в этой связке, потому как почести достаются недостойным: «Кроме того, если бы в самих почестях и могуществе было заключено некое благо, соответствующее их природе, то никогда не доставались бы они наименее достойным. Ведь не свойственно благу быть присоединённым к противоположному себе» (1. II, VI).

Обращает на себя внимание то, что на деле апробация мнением граждан теперь отсутствует. Хотя последняя является основой в прежнем понимании связи «добродетель - должность».

Отсутствие апробации мнением граждан можно объяснить новыми политическими реалиями. Важным аспектом, в данном случае, представляется иной политический строй - Империя. «Поэтому если кто-нибудь радуется достижению известности, пусть не стремится он донести славу своего имени до многочисленных народов; должен он удовольствоваться тем, что она распространится среди своих и славное бессмертие, порождённое известностью, ограничится пределом одного народа» (1. II, VII). Во времена Цицерона было важно лишь мнение сограждан. Важно было знать, что тебя уважают в Риме твои сограждане. В этом находили проявление полисные установки, которые имели в своей основе некоторую замкнутость гражданского коллектива.

Теперь обращается внимание на новую категорию людей: «Посуди, если кто-нибудь, многократно исполнявший обязанности консула, случайно

попадёт к варварским народам, приобретёт ли он благодаря консульству уважение варвара?» (I. III, IV). Опять же из текстов Цицерона явствует, что для римлян той эпохи мнение варваров было не важно. Потому как именно на чувстве различия гражданских добродетелей (с одной стороны) и пороков рабов и варваров (с другой стороны) образовывалась представление о доблести.

Меняющаяся по ходу рассуждений позиция Боэция, а также явно философская природа текста создают дополнительные трудности в вычленении того, что могло бы нам сообщить о римских ценностях. Последние являются плоть от плоти с таким понятием как «гражданственность». Но в трактате чем дальше, тем больше Боэций абстрагируется от всего мирского, и в этом его духовном опыте не остаётся места обществу. По большому счёту, конкретно римские ценности представлены лишь в описании наивысшего момента счастья Боэция, но отдельные моменты встречаются и в остальном тексте.

При этом в текстах каждого из выбранных нами авторов ясно проступают три составляющие: кризис государства, личный кризис, представления о римских ценностях. Последнее, а именно, представления о ценностях являются во многом схожими. Также параллели прослеживаются в определении современной авторам ситуации как негативной и в отыскании причин такого состояния. Важную роль именно в таком восприятии также играют неудачи и разочарования на политическом поприще, что для каждого из героев выливается в личный кризис. Однако интересно, что для Цицерона личный кризис был обусловлен кризисом государства, в то время как для Боэция, как он сам неоднократно подчёркивает, тем, что от него отвернулась Фортуна.

Литература

1. Боэций А.М.С. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука. 1990. 413 с.
2. Цицерон Марк Туллий. Речи. В двух томах. Том 1. Годы 81-63 до н.э. М.: Издательство Академии Наук СССР. 1962. Т.1. 442 с.
3. Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М.: Наука. 1985. С. 24-26.
4. Поленц М. Стоя. История духовного движения. Спб.: Quadrivium. 2015. С. 557.

THE ROMAN SYSTEM OF VALUES FROM THE POINT OF CICERO AND BOETHIUS' VIEW

A.O. Kudratov, Master of Arts, alik.kudratov@gmail.com

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

The Roman system of values has its inherent features. The latter ones manifest themselves in the actions of historical heroes. The stability of these ideas, which were born in the period of the Republic, but existed even at the end of the Empire period.

Keywords: Roman Republic, Teaching about the ideal citizen, System of values.

Дата поступления 18.09.2017.